

СОЦИАЛЬНО- ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание

2015 8

СОДЕРЖАНИЕ

• Общество вчера, сегодня, завтра

<i>Бацанова С.В.</i> – Погоня за идеалом. Диета в системе современной культуры	6
<i>Боженов С.А.</i> – Социальный портрет муниципальных служащих.....	14
<i>Голева Т.В.</i> – Профессионально важные качества как основа формирования профессионально-ролевого поведения курсантов в системе МВД России.....	23
<i>Гридин А.А., Пашкевич А.В.</i> – Тенденции трансформации международного терроризма.....	30
<i>Захаров В.М.</i> – Программно-целевая технология развития профессионального потенциала кадров регионального управления.....	39
<i>Ивлева М.И.</i> – Философия субъекта (к 155-летию со дня рождения Я.Ф. Озе).....	47
<i>Лычманов Д.Б.</i> – К вопросу о возвращении идеологии: теоретико-методологические аспекты проблемы	56
<i>Малахова Е.В.</i> – Субкультура в культуре: мировоззренческий аспект	63
<i>Мамедова Н.М.</i> – Время и традиция.....	68
<i>Маслов Н.А.</i> – Россия в контексте глобальных угроз (о монографии Г.Д. Чеснокова, посвященной философии Г.В. Плеханова).....	74
<i>Мусеев В.В., Прокуратов В.Н.</i> – Совершенствование политических механизмов противодействия коррупции в России на основе зарубежного опыта	81
<i>Понизовкина И.Ф.</i> – О месте философии в современном мире: уроки философских форумов в контексте актуальных проблем	88
<i>Реутов Е.В., Реутова М.Н., Шавырина И.В.</i> – Роль общественных организаций в формировании солидарного общества	94
<i>Старостова Е.А.</i> – Роль информационного фактора в функционировании и развитии территориального общественного самоуправления.....	100

Сухов А.Н. – Социальная политика в условиях экономического кризиса.....	108
Хазиев И.Х. – Проявления социальных угроз в межрегиональном контексте.....	116
• Наука, культура и образование на грани тысячелетий	
Аркатова О.Г. – Особенности социокультурной адаптации иностранных студентов.....	127
Гавриш В.Д. – Ситуационное многообразие социального бытия как предпосылка к научной классификации	137
Галухин А.В. – Атрибуторный контекстуализм в действии: стандартное решение головоломки скептицизма	143
Гусейнов Ф.И. – Метафизика телесности в творчестве Габриэля Марселя.....	161
Ковалева М.В., Груздеева Н.А. – Применение игровых упражнений в занятиях со студентами специальных медицинских групп.....	173
Крамской С.И., Амельченко И.А. – Значение физической культуры в реализации здоровьесберегающих технологий в вузе	179
Куприна И.В., Третьякова И.А. – Реформа Российской академии наук и ее последствия	185
Монастырская И.А., Рязанцева Л.В. – Текст в коммуникативном пространстве культуры	194
Чижова Е.Н., Журавлева Л.И. – Высшее образование: экономические, социальные и гуманитарные аспекты	201
• Преподавателю социально-гуманитарных дисциплин	
Борисенко В.И., Чернышева Е.Н. – Независимые федеральные органы государственной власти России	207
Данакин Н.С., Славко А.Л. – Креативные и коммуникативные функции физкультурно-спортивной деятельности.....	219
Евсеенков А.Г. – Концептуальные подходы к исследованию социальной адаптации.....	229
Жусупов А.С. – Республика Казахстан на новом этапе интеграции: от сообщества – к союзу	238
Морозова Т.И. – Социокультурная специфика самоорганизационных процессов в молодежной среде.....	245
• Основы менеджмента и рынка	
Божков Ю.Н. – Концептуальные основы формирования инновационной системы управления человеческим капиталом	251
Гулей И.А., Шавырина И.В. – Клиентоориентированный подход в развитии организационной культуры вуза.....	257

A.В. ГАЛУХИН
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
Российский экономический университет
*им. Г.В. Плеханова**

Атрибуторный контекстуализм в действии: стандартное решение головоломки скептицизма

Контекстуализм представляет актуальное направление современной аналитической эпистемологии, в рамках которого тематизируется контекстуальная относительность и вариативность стандартов оценки знания и принципов атрибутирования знания субъекту, т.е. демонстрируется обусловленность эпистемических стандартов pragматически профицированным и семантически наполненным контекстом, распознаваемым либо как контекст когнитивной деятельности субъекта или контекст высказывания им притязаний на знание («субъектный контекстуализм», - М. Уильямс и др.), либо как практическо-речевая ситуация, в которой актуализируются интенциональные и рефлексивные установки *атрибьютора*, оценивающего возможности и основания приписывания субъекту знания исходя из того, какой семантический вариант эпистемически-атрибутивных высказываний принимается за стандарт в данной ситуации и какие условия определённости истинностного статуса последних этому варианту соответствуют («атрибуторный контекстуализм», - Ст. Коэн, Д. Льюис, К. ДеРоуз и др.). Одной из авангардных форм контекстуалистической программы мета-эпистемологических исследований является *атрибуторный семантический контекстуализм* - ансамбль концептуально конгениальных подходов, развитие которых в целом соответствует семантико-аналитическим

* Галухин Андрей Владимирович, e-mail: galukhin76@mail.ru

диспозициям неклассической эпистемологии¹. Установки атрибуторного семантического контекстуализма совмещают контекстуально-релятивистский подход к определению условий атрибутирования субъекту знания с общей семантической ориентацией анализа, в рамках которой рассматриваются случаи интенционального употребления термина «знание» и выявляется индексикальный статус производных от него выражений типа «S знает/не знает, что P», что открывает перспективу метаэпистемологических исследований, конструктивным эффектом которых является рефлексия методологических оснований решения ряда эпистемологических проблем². Основополагающий принцип парадигмы атрибуторного контекстуализма, представляющий концептуальную универсалию развиваемых в этой парадигме подходов, раскрывается в порядке соотнесения аспектов *значения* и *истинности* при анализе высказываний, выражающих пропозицию приписывания субъекту знания:

— **аспект значения**: семантический контекстуализм исходит из того, что предикаторное выражение «знает» индексикально³, т.е. то, какое значение этого выражения реализуется, когда речь идет о приписывании знания, определяется контекстом - практически речевой ситуацией, в которой это выражение употребляется, что, собственно, и проявляется в семантических вариациях эпистемически-атрибутивных высказываний типа “S знает/не знает, что P”: в разных контекстах эти высказывания выражают по сути разные пропозиции. Какой именно семантический вариант выражения «знает» принимается за стандарт в каждом особенном контексте, определяется исключительно факторами, проявленными в данной практически-речевой ситуации. Унифицированному представлению этих фактов соответствует семантически подвижная шкала актуальных подразумеваний, в соотнесении с которой фокусируется предметность и вымеряется результативность об-

¹ Галухин А.В. Стратегия атрибуторного контекстуализма в эпистемологии // Социально-гуманитарные знания, 2014, № 8, с. 61 – 77.

² Ludlow P. Contextualism and the New Linguistic Turn in Epistemology // Gerhard P. & Georg P. (Eds.). Contextualism in Philosophy: Knowledge, Meaning, and Truth. Oxford:Oxford University Press, 2005. p. 11 - 50.

³ Blome-Tillmann, Michael. The Indexicality of ‘Knowledge’ // Philosophical Studies, 2008, Vol. 138, p. 29-53.

суждения (“the conversational score” по терминологии Д. Льюиса¹), – эта шкала поддерживается в меру актуализации рефлексивного потенциала компетентных участников, рассматривающих, например, вопрос эпистемической атрибуции. По выражению Д. Льюиса, компетентные участники в каждый момент обсуждения данного вопроса в принципе должны отслеживать изменения семантической матрицы, по которой выстраивается система различия и выделения индексов предметности («the salience relations»), когда речь идёт о том, что «S знает, что P»²;

– **аспект истинности:** контекстуальная чувствительность эпистемически-атрибутивных высказываний проявляется в том то, что в разных практически-речевых ситуациях, под которыми опять же следует понимать контексты атрибутора, эти высказывания имеют различные истинностные значения, – истинностный статус атрибуций знания определяется эпистемическими стандартами – нормативными экспликаторами семантического варианта выражения «знает», специфическими для определенного контекста, и не является инвариантным, но изменяется вместе с изменением контекста, актуализирующим значение новых стандартов, которым должна соответствовать эпистемическая позиция субъекта, чтобы ему можно было истинно приписать знание³. Контекстуалисты прорабатывают различные варианты понимания базисного параметра, который, будучи конститтивно значимым для атрибуции знания, изменяется вместе с контекстом. В качестве контекстуально зависимого параметра, принимаемого за вариативный эпистемический стандарт, в различных концепциях атрибуторного контекстуализма выделяются: (1) диапазон релевантных альтернатив («the set of relevant alternatives»), подлежащих исключению по достаточным основаниям (Д. Льюис); (2) объем соответствующих этим альтернативам возможностей ошибки («error-potentials»), распознаваемых и выделяемых в контексте атрибутора («ранний» Ст. Коэн); (3) специфический для

¹ Lewis D. Scorekeeping in a Language Game // *Journal of Philosophical Logic*, 1979, № 8, p. 339 - 359.

² Lewis D. Op. cit., p. 344 - 346.

³ DeRose K. Contextualism: An Explanation and Defense // Greco J., E. Sosa E. (Eds.). *The Blackwell Guide to Epistemology*. Oxford: Blackwell Publishers, 1998.

данного контекста пороговый показатель достаточной оправданности убеждения субъекта («the threshold for justification»), при достижении которого истинное убеждение квалифицируется как знание (Ст. Коэн), (4) границы ареала контрфактических ситуаций, в которых должна прослеживаться чувствительность убеждений к истине («counterfactual sensitivity of the beliefs»), при которой убеждение обращается в знание (К. ДеРоуз, последуя Р. Нозику), (5) относительная сила эпистемической позиции субъекта («the relative strength of epistemic position»), достаточная для того, чтобы на основе убеждения, оцениваемого в качестве претендента на статус знания, осуществлять эффективный «треккинг истины» в диапазоне возможных миров, заданном исходя из состава пропозиций, эксплицитно тематизируемых в данном контексте (К. ДеРоуз)¹. Согласно парадигматическим установкам атрибуторного контекстуализма, для каждого особенного контекста, в котором решается (обсуждается) вопрос о приписывании субъекту знания, существует релевантный этому контексту стандарт, по которому определяется, насколько состоятельной должна быть эпистемическая позиция субъекта S относительно пропозиции P, чтобы субъекту S можно было приписать знание с P-пропозициональным содержанием. Исходя из контекстуально-вариативной определённости эпистемических стандартов релятивизируется истинностное значение эпистемически-атрибутивных суждений: «когда два контекста различаются в плане стандартов, атрибутор в одном контексте может истинно утверждать «S знает, что P», а в другом контексте, где применяются другие стандарты, атрибутор может утверждать «S не знает, что P», и это утверждение также будет истинным»²; при этом в обоих контекстах речь идёт об одном и том же пропозиционально выраженным предмете (P), одном и том же субъекте (S), притязающем на знание этого предмета, и одних и тех же основаниях (логических, теоретических и эмпирических ресурсах), которыми он располагает для подкрепления этих притязаний. Поскольку термины эпистеми-

¹ Schaffer J. What shifts? Thresholds, standards, or alternatives? // Pfreyer G., Peter G. (Eds.). Contextualism in philosophy. Knowledge, meaning, and truth. New York: Oxford University Press, 2005, p.115-130.

² Cohen S. Contextualism and Skepticism // Philosophical Issues, 2000, Vol.10, p. 94 - 107.

чески-атрибутивного суждения, связываемые оператором знания, обладают фиксированной референцией, т.е. обозначают того же субъекта S в идентично подкреплённом отношении к той же пропозиции P, то положение, при котором атрибуция знания, выражаемая суждением формы «S знает, что P», является истинной в одном контексте, и ложной в другом контексте, может интуитивно восприниматься как амбивалентное. Контекстуалисты объясняют, почему интуитивно нам может показаться, что суждение «S знает, что P» противоречит суждению «S не знает, что P»: видимость амбивалентности возникает вследствие «семантической слепоты» в отношении контекстуальной чувствительности выражаемых так атрибуций знания¹, т.е. компетенции атрибутора оказываются недостаточными для распознания и прослеживания того изменения в значении этих выражений, которое обусловлено изменением контекста их употребления. Как утверждает Коэн, «атрибуции знания предполагают индексикальную референцию к стандартам»², по которым в определённом контексте выверяются возможности приписывания знания, хотя для самого атрибутора эта индексикальная референция может оставаться неявной, т.е. не распознанной в момент решения вопроса о приписывании знания. Соответственно, атрибутор не всегда способен зафиксировать изменения в эпистемических стандартах, сопряженные с контекстуально-семантическими сдвигами, обусловленными действием различных факторов, проявляющихся в практической речевой ситуации. В этом случае атрибутор действует в парадигме эпистемологической рациональности, основанной на абсолютизации стандартов оценки знания и условий его атрибутирования субъекту, коррелятивной утверждению инвариантности значения эпистемически-атрибутивных выражений, а для инвариантиста, как и для атрибутора, страдающего «семантической слепотой», особенно трудным оказывается поиск разрешения парадоксов и апорий, за счёт которых утверждается скептицизм.

¹ DeRose K. 'Bamboozled by our own words by Our Own Words': Semantic Blindness and Some Objections Against Contextualism // Philosophy and Phenomenological Research, 2002, Vol. 73, №.2, p. 316 - 338.

² Cohen S. Contextualism, Skepticism, and the Structure of Reasons // Philosophical Perspectives. Epistemology, 1999, Vol.13, p. 61.

Разработка контекстуалистской стратегий анализа условий атрибуции знания предполагается решению ряда значимых проблем эпистемологии, таких, например, как **проблема парадоксов эпистемического скептицизма**¹. В истории философии скептически ориентированная аргументация часто развивалась не ради утверждения скептицизма как такового, а как способ рациональной критики, демонстрирующей, например, проблематичность «естественной установки», метафизического реализма или гносеологического оптимизма². Одна из парадигмальных форм скептической аргументации может быть представлена следующим образом: для того, чтобы индуцировать сомнения в способности обладания знанием, скептик вводит правдоподобное допущение или предположение («Skeptical Hypothesis»), посредством которого артикулирует предельные возможности ошибочности («error-possibilities») базисных когнитивно-пропозициональных установок³ в отношении тех фактов и положений дел, которые по рациональным основаниям квалифицируются как в принципе доступные интерсубъективно проверяемому знанию и в соответствии с базисными стандартами, такими как, например, истинность и обоснованность убеждения, полагаются знаемыми⁴. Скептик полагает, что для возбуждения сомнения относительно возможности обладания знанием достаточно представить, например, что человек неизбежно и всегда заблуждается, потому что «кто-то, возможно, злой гений, изощренным образом обманывает его» (гипотеза Декарта), или потому, что «человек находится в состоянии сна и неспособен отличить сон от реальности»⁵, или допустить, что вся его экзистенциальная феноменология – это иллюзия, а когнитивный опыт является всецело симулятивным, поскольку независимо от субъекта и без его ведома некая внешняя инстанция

¹ Sosa E. Skepticism and Contextualism // Philosophical Issues, 2000, Vol. 10, p. 1 - 18.

² Keith DeRose and Ted A. Warfield. (Eds.). *Skepticism*. New York: Oxford University Press, 1999.

³ Unger P. *Ignorance: A Case for Scepticism*. Oxford: Oxford University Press, 1975.

⁴ Williams M. *Unnatural Doubts: Epistemological Realism and the Basis of Scepticism*. Oxford: Basil Blackwell, 1991.

⁵ Nozick R. *Philosophical explanations*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1981, p. 202 - 203.

(например, супернаучный компьютер), действуя по заданной программе (такой, например, как «Матрица»), посредством прямой электро-химической стимуляции мозга воспроизводит нейродинамически-функциональный комплекс, на котором супервентны все его когнитивные состояния и коррелятивные им пропозициональные установки (гипотеза «мозгов в бочке», обозначаемая также как BIV-гипотеза, изложенная Х. Патнэмом¹ и рассматриваемая многими философами-аналитиками в качестве современного материалистически-технологического перетолкования классической декартовской гипотезы «злого гения», расставляющего ловушки для разума). Такого рода гипотезы эффективно действуют в скептической аргументации, которая нацелена на демонстрацию утверждения, что определенный комплекс убеждений не отвечает условиям приписывания им позитивного эпистемического статуса, т.е. не может квалифицироваться как знание. Сомнения в основательности притязаний на знание нельзя исключить, пока знание неистинности скептического предположения остается проблематичным. Скептический аргумент конструируется таким образом, чтобы усиливать и сокращать границы познавательных возможностей за счет такой деконструкции феномена знания, которая осуществляется преимущественно с позиций эпистемологического интернализма: радикальные скептические допущения, как правило, нельзя отрицать, исходя из рефлексивно доступного опыта и наличного запаса знаний. Парадигмальная схема вывода, используемая в скептической аргументации, выстраивается на основе стандартной импликации, применяемой в рамках эпистемической логики: из утверждения о принципиальной недоступности знания того, что радикальная скептическая гипотеза, допускающая возможности ошибки и заблуждения, несовместимые со статусом обладания знанием, ложна, выводится скептическое заключение о несостоятельности подчас самых элементарных притязаний на знание². Контекстуалисты, как правило, критически прорабатывают один из распространенных вариантов скептического аргумента, используемого для до-

¹ Putnam H. Reason, Truth And History. Cambridge: Cambridge University Press, 1981, p. 5 - 21.

² Pritchard D.H. The Structure of Sceptical Arguments // Philosophical Quarterly, 2005, Vol. 55, p. 37 - 52.

казательства того, что ни одно из приписываемых субъекту убеждений, сформировавшихся естественным путём, не может быть квалифицировано как знание, а именно – вариант, основанный на принципе «эпистемического замыкания» («Epistemic Closure Principle»)¹. Данный принцип можно сформулировать как принцип дедуктивной трансляции знания, выражающий стандартное положение: если S знает, что P, и знает, что из P следует Q, то S знает, что Q, или по крайней мере находится в таком положении, которое позволяет ему знать, что Q². Этот эпистемологический постулат, выражающий базисную интуицию, а именно – что мы не выходим за пределы области знания, когда раскрываем импликации того, что знаем, а напротив – производим дедуктивно последовательное расширение этой области, допускает такую логически корректную трансформацию, что на его основе воспроизводится специфическая конструкция скептического аргумента.

Пусть “**SkH**” – некоторое радикальное скептическое предположение, посредством которого эксплицитно вводится представление о возможностях ошибки или заблуждения, требующих исключения по достаточным основаниям, – при отсутствии таких оснований обнаруживается проблематичность притязаний на знание и неосновательность приписывания знания субъекту;

“**K**” – оператор знания, а “**K [Ф]**” – обозначение применения оператора для выражения того, что некий субъект знает некоторую пропозицию ϕ (допускается, что оператор “K” используется для обозначения эпистемического состояния конкретного субъекта в конкретное время);

“**O**” – некоторая ординарная пропозиция, фиксирующая эмпирически элементарный факт, знание которого в стандартных повседневных ситуациях приписывается субъекту как вполне достижимое и не подлежащее сомнению.

Представим формализованное выражение парадоксального скептического аргумента, зафиксировав в качестве исходного правдоподобного допущения (“*Plausible Assumption*”) положение, выражающее базисную интуицию

¹ Pritchard D. H. Two Conceptions of Radical Scepticism // *Ámbitos*. 2012, Vol. 28, p. 13 - 20.

² Williamson T. *Knowledge and its Limits*. Oxford: Oxford University Press, 2000, p. 117.

доступности знания обычных фактов и положений дел, фиксируемых с помощью О-пропозиций:

(1) PI.A.: $K[O]$

(2) $\neg K[\neg SkH]$ (по версии ДеРоуза, это первая посылка скептического аргумента¹)

(3) $\neg K[\neg SkH] \rightarrow \neg K[O]$ (по принципу «эпистемического замыкания»)

(4) C.: $\neg K[O]$

Например:

(1) PI.A.: S в *принципе может знать* (и, скорее всего, знает), что у него есть руки (стандартная О-пропозиция в традиции Дж. Мура), – для этого знания есть рационально значимые основания (например, доступные эмпирические свидетельства).

(2) S не может знать, что он не есть B/V . Иначе говоря, S не может знать, что не является жертвой скептического сценария, реализуемого согласно гипотезе, такой как B/V -гипотеза, поскольку в случае реализации данного сценария его реальный опыт во всех когнитивных аспектах был бы феноменологически не различим с опытом симулятивным – индуцированным внешней инстанцией.

(3) Если S не может знать, что он не есть B/V , т.е. не есть жертва скептического сценария, по которому он не обладает естественно-полноценной человеческой конституцией, а весь его опыт каузально замкнут на имманентно-неразличимую инстанцию, то S не может знать, что у него есть руки.

На основании (2) и (3) делается заключение, противоречащее базисной интуиции, выраженной в (1):

C.: S не может знать, что у него есть руки.

Можно представить и обобщенное выражение данной парадоксально-проблемной ситуации²:

(1g) Мы знаем некоторые обычные эмпирические пропозиции как истинные.

(2g) Мы не знаем, являются ли ложными скептические альтернативы данных эмпирических пропозиций.

¹ DeRose K. Solving the Skeptical Problem // Philosophical Review, 1995, Vol. 104, p. 1 - 52.

² Feldman R. Contextualism // Dancy J., Sosa E., Steup M. (Eds.). A companion to epistemology, 2nd ed. Blackwell Publishing Ltd., 2009, p. 14.

(3g) Если мы не знаем, что скептические альтернативы данных эмпирических пропозиций являются ложными, то мы не знаем, что обычные эмпирические пропозиции являются истинными.

C.: (4g) Мы не знаем, что обычные эмпирические пропозиции являются истинными.

Проблема в том, что каждая из пропозиций (1g), (2g), (4g), рассматриваемая в отдельности, правдоподобна, но взятые вместе, они являются *принципиально несовместимыми по истинности*. В единстве этих пропозиционных положений конституируется апория, представляющая один из эпистемологических парадоксов, который обозначается как «головоломка радикального эпистемического скептицизма».

В ответ на вызов скептицизма контекстуалисты в качестве основного аргумента выдвигают положение, согласно которому *атрибутивная верификация обыденных притязаний на знание является совместимой со скептическим отрицанием их состоятельности, поскольку в этих случаях применяются контекстуально различные стандарты, которым должна отвечать эпистемическая позиция субъекта, чтобы ему истинно можно было приписать знание*. Стандартное или, по выражению К. ДеРоуза, «прямолинейное» контекстуалистское разрешение парадокса эпистемического скептицизма, представленное **Стюартом Коэном**¹, предполагает конструктивно-дилемматический отбор альтернативных посылок скептического аргумента, производимый исходя из общего принципа контекстуально-семантической детерминации условий истинности атрибуций знания: положение о том, какая из несовместимых пропозиций в составе скептического парадокса подлежит отрицанию как ложная, а какая – утверждению как истинная, всецело определяется практически-речевой ситуацией, т.е. *особенным контекстом*, в котором на основе относительных стандартов, соответствующих семантически доминантному варианту выражения «знает», производится оценка силы эпистемической позиции субъекта и решается вопрос о квалификации его убеждений с эксплициро-

¹ Cohen S. Contextualism and Skepticism // *Skepticism: Philosophical Issues*, 2000, Vol. 10, p. 94 - 107.

ванным предметным содержанием в качестве знания. Так, «в повседневных контекстах ложным оказывается положение (2) ($\neg K[\neg SkH]$), т.е. положение, в котором отрицается знание того, что скептическая гипотеза несостоятельна и должна быть отвергнута, а в более строгом контексте скептика ложным оказывается положение (1) ($K[O]$), т.е. положение, согласно которому вполне состоятельным является знание многих элементарно очевидных вещей, но положение (3) ($(\neg K[\neg SkH]) \rightarrow \neg K[O]$) не является ложным ни в одном из контекстов»¹. Как утверждает Ст. Коэн, подходя к проблеме скептического парадокса, контекстуалист стремится «объяснить основательность и силу скептических аргументов, исходя из допущения, что притязания скептика оправданы и истинны только относительно того строгого контекста, в котором они представлены как актуально значимые. Но разрешение парадокса является контрскептически эффективным, поскольку позволяет сохранить истинность атрибуции обыденного знания в повседневных контекстах, в которых действуют иные стандарты»².

Первоначальная стратегия контекстуального анализа условий атрибуции знания, которой придерживался Коэн, задействовала ресурсы предложенного Ф. Дретске аналитического подхода (РА-подхода), разработанного на основе эпистемологической теории «релевантных альтернатив» («the Relevant Alternatives theory of knowledge»)³. В этом методологическом аспекте аналитическая стратегия Коэна была когерентна стратегии другого известного контекстуалиста - Д. Льюиса⁴. Стремясь преодолеть ограниченность классических концепций знания, сфокусированных на проблеме оправдания убеждений, решаемой преимущественно с позиций интернализма, Ф. Дретске предложил трактовать знание как такое состояние, в котором субъект располагает рациональными основаниями для исключения релевантных альтернатив тому, на знание

¹Cohen S. Contextualism Defended // Steup M., Turri J., Sosa E. (Eds.). Contemporary Debates in Epistemology. Malden, MA: Blackwell Publishing Ltd., 2009, p. 56 - 57.

²Cohen S. Op.cit., p. 57.

³Brian McLaughlin. (Ed.). Dretske and His Critics. Cambridge, MA: Blackwell, 1991.

⁴Lewis D. Elusive Knowledge // Australasian Journal of Philosophy, 1996, Vol. 74, p. 549 - 567.

чего он претендует¹. Принцип исключения «релевантных альтернатив», распознаваемых по ряду оснований в системе когнитивных диспозиций субъекта и в структуре его объективной ситуации, утверждается как нормативное выражение базового конституента знания: субъект знает, что P , если он (1) убеждён, что P , (2) это убеждение истинно, и при этом (3) субъект, используя доступные ресурсы (например, эмпирические свидетельства) и исходя из достоверных оснований, способен распознать и исключить не- P , т.е. релевантные негативные альтернативы P . Данного принципа представляется Коэну концептуально когерентным общей идеей различимости возможностей ошибки (*«the salience of error possibilities»*) – идею, на которую в определении условий приписывания знания и решении ряда проблем, таких, например, как проблема Гетье, опираются не только контекстуалисты, но и представители других эпистемологических направлений². Ст. Коэн формулирует принцип учёта «релевантных альтернатив» в терминах контекстуально-атрибутивной квалификации знания: высказывание вида « S знает, что P » истинно при условии, что эпистемическая позиция субъекта, оценивая по стандарту, принятому в определённом контексте, является достаточно сильной для того, чтобы субъект мог исключить комплекс релевантных альтернатив P . По определению Коэна, h является альтернативой пропозиции q , представляющей предмет знания, если h и q несовместимы, и альтернатива пропозиции q является релевантной, если выполняются два критериально значимых условия:

— первое условие определяется в экстерналистской перспективе, т.е. выражает требование учитывать параметры объективной ситуации, в которой находится субъект: h является по отношению к q релевантной альтернативой, если вероятность h , оцениваемая с учётом роли фактора r и особенностей объективной ситуации, достаточно высока, - степень достаточной вероятности того, что имеет место альтернатива, определена контекстом;

¹ Dretske F. *Perception, Knowledge and Belief: Selected Essays*, New York, NY: Cambridge University Press, 2000, p. 57.

² Cohen S. How to be a Fallibilist // *Philosophical Perspectives*, Epistemology, 1988, №2, p. 91-123.

— второе условие определяется в *интерналистской* перспективе: **h** является по отношению к **q** релевантной альтернативой, если у **S** нет достаточных оснований (например, доступных свидетельств) для того, чтобы отрицать **h**, - достаточность основания оценивается по стандартам, принятым в контексте, в котором рассматривается вопрос об атрибутировании субъекту знания¹.

Таким образом, ключевым показателем изменения контекста, согласно Коэну, является *изменение в стандартах релевантности*, которые определяются по внешним и внутренним критериям, соответствующим основным измерениям силы эпистемической позиции субъекта. А предложенное Коэном решение вопроса о причине изменения стандартов релевантности основывается на идее различимости возможностей ошибки, т.е. фокусируется на условиях актуализации факторов семантического порядка, играющих ключевую роль в трансформации контекста приписывания знания. Контекст изменяется, когда раскрывается фаллибилистическая перспектива, т.е. эксплицитно вводится представление о возможностях ошибки, которые до того в расчёт не принимались, поскольку не укладывались в систему исходных допущений и в качестве реального момента структуры ситуации в явном виде не тематизировались. Соответственно, стандарт релевантности изменяется: экспликация возможностей ошибки расширяет диапазон релевантных альтернатив до такой степени, чтобы в нем были адекватно представлены возможные фальсификаторы исходной пропозиции, выявленные в ходе обсуждения заявленных притязаний на знание данного предмета. А это значит, что относительно того же самого предмета субъект теперь должен находиться в более сильной эпистемической позиции, чтобы ему можно было приписать знание. Следует заметить, что в последующих работах Коэна² концептуально-методологическая матрица РА-подхода замещается системой понятийных функций, среди которых приоритетно выделяются концепты «оправдания» и «весомости оснований», используемые для раскрытия содержания контекстуально зависимых эпистемических стандартов. Но обсуждение принципа

¹ Cohen S. Op. cit., p. 102 - 103.

² Cohen S. Contextualism, Skepticism, and the Structure of Reasons. Philosophical Perspectives. Epistemology, 1999. Vol.13, p. 57-89.

изменения эпистемических стандартов, определяющих, в какой степени убеждение субъекта должно быть оправданно или насколько весомыми должны быть основания придерживаться этого убеждения, чтобы оно квалифицировалось как знание, по-прежнему фокусируется на идее различимости возможностей ошибки, высвечивающей роль семантических факторов трансформации контекста¹. Итак, одна из концепций решения «головоломки эпистемического скептицизма», разработанная сообразно парадигме контекстуализма, предполагает преобразование эпистемологического подхода, основанного на принципе «релевантности альтернатив», в средство контекстуального анализа, нацеленного на такую деконструкцию скептического аргумента, которая, с одной стороны, объясняет его силу, а с другой – показывает, что аргумент не угрожает нашим обыденным притязаниям на знание. В данном случае аргумент, актуализирующий скептическую установку в отношении притязаний на знание, представлен в структуре парадокса, генерируемого на основе радикальной скептической гипотезы, такой, например, как BIV-гипотеза, представляющая допущение экстраординарной ситуации, в которой реализуется альтернатива, несовместимая с позицией обладания знанием. Радикальная скептическая гипотеза представляет альтернативу, совершенно иррелевантную контексту, в котором доминантную роль играют, как выразился бы Витгенштейн, «стержневые установки» (“hinge commitments”), формирующие естественное понимание условий возможности эпистемической состоятельности даже самых элементарных убеждений, если их оценивать по критериям, принятым в этом контексте². Однако, согласно концепции Коэна, стандарты релевантности меняются в зависимости от контекста: высказывание скептической гипотезы, артикулирующей возможности ошибки или заблуждения, изменяет семантический контур контекста таким образом, что скептическое допущение оказывается вполне релевантным. С этого момента в условия атрибуции знания закладывается ориентация на более высокие показатели силы эпистемиче-

¹ Cohen S. Contextualism and Skepticism. *Philosophical Issues, Skepticism*, 2000, Vol. 10, p. 94 - 107.

² Wittgenstein L. On Certainty // G. E. M. Anscombe and G. H. von Wright. (Eds.). Oxford: Blackwell, 1969. §115, §125, §341, §370, §450, §613.

ской позиции субъекта: поскольку с изменением контекста вполне релевантной становится альтернатива, представленная допущением скептического сценария, несовместимого с возможностью обладания знанием, поскольку условием состоятельности каких бы то ни было притязаний на знание, принимаемым в этом контексте за стандарт, является исключение этой альтернативы, т.е. исключение возможностей ошибки или заблуждения, артикулированных скептической гипотезой. Апорийность воссоздаваемой таким образом ситуации заключается в том, что по стандартам, принятым в этом контексте, в оценке возможности знания того, что скептическая гипотеза ложна, мы должны исходить из вполне релевантных допущений, имплицированных самой скептической гипотезой. В этой проблемной ситуации можно усмотреть некое подобие тем парадоксам, которые возникают вследствие семантической замкнутости выражений естественного языка. Так, если допустить, что некий субъект есть жертва скептического сценария, реализованного согласно BIV-гипотезе, и принять это допущение как релевантное, то в этой ситуации эпистемическая позиция субъекта оказывается недостаточной для того, чтобы исключить альтернативу, представленную BIV-гипотезой, что утверждается в исходной посылке скептического аргумента ($\neg K[\neg SkH]$). Соответственно, неизбежными оказываются скептические выводы относительно возможности знания даже таких элементарных фактов, в доступности знания которых в обыденных контекстах сомнения не возникало. Так, например, поскольку мы не можем исключить альтернативу, которая стала релевантной с высказыванием BIV-гипотезы, раскрывающей перспективу тотального и необратимого заблуждения, и поскольку эта альтернатива является радикально контрфактической, т.е. эквивалентна отрицанию таких пропозиций как «Я не есть жертва представленного скептиком BIV-сценария» ($[\neg SkH]$ -пропозиция) и «у меня есть руки» (О-пропозиция), то всякое притязание на знание этих фактов является несостоятельным, а атрибуции знания этих пропозиционально зафиксированных фактов – ложными¹. Концепция стандартного разре-

¹ DeRose K. Solving the Skeptical Problem // Philosophical Review, 1995, Vol. 104, p. 15.

шения этой проблемной ситуации, вырабатываемая на основе контекстуального анализа условий приписывания знания, является в целом *релятивистически тенденциозной*, что, в принципе, нормально для контекстуализма: контекстуалисты, такие как Ст. Коэн и Д. Льюис, раскрывают возможность поставить под сомнение универсальность скептических выводов за счет *реанимации и герметизации контекста*, в котором эпистемическая позиция субъекта, притязающего на знание этих обычных вещей, отвечая контекстуально зависимым стандартам, оказывается резистентной по отношению к деструктивным эффектам скептической аргументации. Логику этого стандартного решения с интуитивной доходчивостью раскрывает Де-Роуз: несмотря на то, что скептическое отрицание возможности знания является аргументативно подкрепленным и представляется вполне убедительным, «мы понимаем, что когда мы окажемся в более обычных контекстах, то не только корректным будем претендовать на то, что обладаем знанием этих (обычных – Авт.) вещей, но в этом контексте будет ошибочным утверждать, что мы не знаем эти предметы, потому что не можем исключить, альтернативу, представленную скептической BIV-гипотезой»¹. Исходя из этой логики производится диагностика нашей феноменальной ангажированности скептическим выводами: с выдвижением скептического аргумента, развернутого в архетипической форме известного парадокса, создаётся видимость апорийной ситуации, поскольку «нам не удается понять, что наши обычные притязания на знание таких элементарных вещей, что, например, у нас есть руки, вполне совместимы со скептическим отрицанием допущения, что мы знаем эти вещи»². Видимость парадокса возникает вследствие «семантической слепоты» - неспособности атрибутора установить контекстуальную «чувствительность» значения эпистемически атрибутивных высказываний и распознать условия истинности последних, как они определяются относительно различных практически-речевых ситуаций. *Кейт ДеРоуз* – один из главных теоретиков семантического контекстуализма, критически оценивает стандартное контекстуалист-

¹ DeRose K. Op. cit., p. 15.

² DeRose K. Op. cit., p. 16.

ское решение эпистемического парадокса, вырабатываемое на основе РА-подхода и других методологий. Главный недостаток этого «прямолинейного» решения, по мнению ДеРоуза, заключается в том, что при его разработке создается лишь видимость прогресса в объяснении того, почему с высказыванием эффективной скептической гипотезы наша эпистемическая позиция оказывается недостаточно сильной, чтобы гарантировать состоятельность притязаний на знание, и что препятствует демонстрации возможностей приписывания знания того, что эффективная скептическая гипотеза ложна: вполне правдоподобным и оправданным является положение, что мы не можем исключить альтернативу, представление о которой вводится посредством выдвижения замысловатой скептической гипотезы, такой как BIV-гипотеза; но столь же правдоподобным и оправданным является положение, что мы не можем исключить возможности ошибки или заблуждения, на которые сделались явными с высказыванием этой гипотезы и которые теперь нельзя игнорировать; по логике стандартного решения получается, что любое из этих двух положений, выраждающих негативную оценку нашей эпистемической позиции, можно использовать для объяснения другого положения, и наоборот; но это лишь видимость объяснения того, почему мы не можем знать, что предположение, на котором спекулирует скептик, ложно¹. Необходимо вырваться из этого круга тавтологически сопряженных эпистемических оценок.

В следующей работе мы рассмотрим концепцию нового решения скептической головоломки, разработанную К. ДеРоузом на основе интеграции модального подхода к анализу знания в основания общей стратегии контекстуального анализа условий его атрибуции.

Галухин А.В. Атрибуторный контекстуализм в действии: стандартное решение головоломки скептицизма. Раскрывается значение парадигматического принципа, определяющего стратегию контекстуалистского подхода к проблеме парадоксов скептицизма: истинностные значения эпистемически атрибутивных суждений могут изменяться в зависимости от контекста атрибутора, задействующего различные стандарты оценки эпистемической позиции субъекта. Производится критический

¹ DeRose K. Op. cit., p.16.

анализ стандартного решения типовой головоломки скептицизма, разработанного в рамках первоначальной концепции Ст. Коэна, построенной на принципах теории «релевантных альтернатив». Показано, в каких моментах концепция данного решения, раскрывающего условия иммунизации обыденных притязаний на знание, является релятивистически тенденциозной и ограниченной в плане своего объяснительного потенциала.

Ключевые слова: эпистемология, контекстуализм, семантический анализ, атрибутирование знания, скептицизм.

Galukhin A.V. Attributer contextualism in action: a standard solution to the skeptical puzzle. The basic contextualist strategy of dealing with the problem of skeptical paradoxes is determined by the paradigmatic contextualist claim that the truth value of knowledge-attributions can vary with the context of the attributor, because different conversational situations set different epistemic standards. I analyze a standard contextualist solution to the puzzle of skeptical hypotheses, proposed by St. Cohen within the framework of his early conception, which incorporated the principles of the relevant alternatives theory of knowledge. Cohen's solution explains the appeal of skeptical arguments while preserving the truth of our everyday knowledge ascriptions. Yet, this straightforward solution turns out to be relativistically biased and restricted in its explanatory potential.

Key words: epistemology, contextualism, semantic analyses, knowledge attribution, skepticism.